

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.4.151

**В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН И ЕГО ПРЕДКИ»:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
(статья первая)**

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Рассмотрена вариативность исследовательских приемов русского историка рубежа XIX-XX вв. В.О. Ключевского. Для текстовой наглядности выбрана статья «Евгений Онегин и его предки», написанная историком в 1887 г. по поводу полстолетия со дня смерти А.С. Пушкина. Ключевский представлен в двух аспектах: как позитивист, анализирующий много фактических реалий, и как герменевт, способный приблизить читателя к смысловой жизни текста известного романа. Содержательно статью Ключевского можно разбить на две части, в первой анализируется «здесь-и-теперь» образ главного героя Евгения Онегина, во второй – культурно-исторический контекст формирования образованного дворянина в России в течение двух предыдущих столетий. Сделан вывод о том, что Ключевский рассматривает историю России с середины XVII до начала XIX в. как время вызревания ускоренной смены разнохарактерных общественных типов, в череду которых имеет место и образ «лишнего человека».

Ключевые слова: В.О. Ключевский, А.С. Пушкин, история, культура, позитивизм, герменевтика.

Поводом для написания статьи послужил российский художественный фильм «Евгений Онегин» (реж. С. Андреасян, 2024 г.). Вернее сказать, не сам фильм, а впечатления, связанные с посещением кинотеатра. Кинозал полностью оказался заполненным школьниками-девятиклассниками. Было понятно, что их в обязательном порядке привели учителя на просмотр фильма по мотивам произведения, входящего в основную школьную программу. Молодые зрители вежливо смотрели фильм, хрустя поп-кормом и запивая кока-колой, по окончании сеанса они медленно двигались к выходу, переговариваясь о всяких пустяках. Наблюдая за ними, мысленно пыталась представить, что они думают об Онегине? Каким персонажем он им кажется – реальным или мультивселенным? Понятны ли им переживания главных героев и вопросы любви, судьбы и выбора, которые они пытались решить?

Желание ответить на вопрос, кто такой Евгений Онегин вылилось в подготовку данного материала. Своеобразным помощником оказалась статья Василия Осиповича Ключевского «Евгений Онегин и его предки» (1887 г.). Профессор Московского университета написал и впервые представил эту работу на заседании Общества любителей российской словесно-

сти 1 февраля 1887 г., приуроченном к пятидесятилетию годовщины смерти Пушкина.

Для начала разговора следует сразу же отметить, что во всех своих текстах, посвященных Пушкину, Ключевский говорит с большой теплотой и одобрительной оценкой о творчестве поэта. В речи, прочитанной на заседании в Московском университете в 1899 г. в связи со столетием со дня рождения Пушкина, звучат такие слова: «Пушкин не был поэтом какого-либо одинокого чувства или настроения, даже целого порядка однородных чувств и настроений: пришлось бы перебрать весь состав души человеческой, перечисляя мотивы его поэзии» [3, с. 104]. Пушкин поэтически гибко владел «смехом и слезами», в его поэзии не было мысленного разделения на великие и малые события, все укладывалось в цельное мирозерцание. Современные исследователи солидаризируются с такой оценкой Ключевского, объясняя совершенство пушкинского творения «смысловой полифонией» [7].

Мастер образного слова, Ключевский предлагает каждому читателю произведений Пушкина пристально заглянуть в самого себя, почувствовать, как эти настроения определяют направление и темп его жизни. На взгляд историка, если глубже разобраться в мотивах поэта, приходит понимание, что природа этих настроений не специфически русская; формируя национальное самосознание, она приобретает «общечеловеческие мотивы общезжития» [3, с. 106].

В текстах Ключевского рефреном звучат слова о том, что у него не поднимается «критическая рука» на произведения Пушкина. Однако, если рассматривать слово «критика» как анализ, видно, что роман «Евгений Онегин» рассмотрен в свете двух методологий: в позитивистском ключе многофакторного анализа и с герменевтической позиции. Ключевский собирает разбросанные по тексту штрихи биографии Онегина и погружается в культурно-историческую ситуацию, в которой живет герой романа, пытается понять, к какому общественному типу он принадлежит. По факту речь идет о времени с 1819 по 1825 г. Однако, в изучении генеалогии дворянских корней Онегина Ключевский уходит в глубь истории, в эпоху правления Алексея Михайловича, Петра I, Елизаветы Петровны и Екатерины II.

Текст романа «Евгений Онегин» в риторике московского профессора наделен многими оценочными эпитетами, среди которых чаще всего встречаются такие, как «событие нашей молодости», «перелом развития», «выход из школы», текст, который вызывает потребность «задать себе вопросы» и в поисках ответов на них помогает «извлекать житейские правила» [2, с. 84].

В реакции русского читающего общества на роман «Евгений Онегин» Ключевский усмотрел некую динамику. По его наблюдениям, старшее поколение читало роман на фоне не умолкающих литературных споров о самом Пушкине, чье творчество становилось символом вызревания русской культуры. Младшее поколение воспринимало роман уже под действием но-

вых социокультурных веяний, сложившихся с середины 1850-х гг. в связи с результатами Крымской войны. На фоне такой развилки, те, кто родились через несколько лет после смерти Пушкина, оказались между двумя активными умственными волнами старших и младших. Получилось, что они знакомы с романом в ситуации некоего «литературного затишья», наступившего между одной и другой бурей страстей. По сути, «Евгений Онегин» оказался для Ключевского и его ровесников книгой взросления, первым житейским учебником. Читая роман, молодые люди ощущали, порой неосознанно, что переходят символическую черту, отделявшую стадию ученичества от приобретения житейского опыта. По наблюдениям Ключевского получается, что старших читателей романа волновала культурная идентификация русского общества, младших – социальные проблемы, а его сверстников – практическая нравственность. Ключевский напрямую относит себя к поколению после 1837 г., «которое уже не застало Пушкина в живых и на нравственную физиономию которого роман более, чем другие его произведения, положил особую, немножко сентиментальную складку» [2, с. 85].

Ключевский рассуждает, что роман «Евгений Онегин» оказался для него первостепенным в триаде литературных сочинений, силу впечатлений от которых не смогли превзойти все последующие произведения русской литературы. Речь идет о романах И.С. Тургенева «Дворянском гнезде» и И.А. Гончарова «Обломове». Ключевский дает обоим произведениям художественно емкое резюме: «Обе пьесы – похоронные песни: в одной отпевался известный житейский порядок, в другой – общественный тип» [2, с. 87]. И задается вопросом, почему, прочитав эти «книжки об умирающих», он и его читающие сверстники вновь обратили внимание на роман «Евгений Онегин»? В писках общего между Онегиным, Лизой Калитиной и Обломовым Ключевский дает интересный ответ. С его слов, все три персонажа принадлежат к одному порядку вещей. Будучи образованными и способными по своей природе нести добро, они не смогли вписаться в общество, испытывали одинаковое состояние, определяемое словом «чужой». Внешне кажется, что в финале каждый пытается избавиться от этого состояния, разумеется, каждый по-своему. Героиня Тургенева уходит в монастырь, герой Гончарова впадает в безмятежность и лень, а персонаж Пушкина томится от истощающего его силы безделья, лишь время от времени меняя жизненные локации [2, с. 87–88]. Однако, если заглянуть «вглубь строки», то видно, что именно драматизм становится смысловой объединяющей этих персонажей, вышедших из-под талантливого пера Пушкина, Тургенева и Гончарова, – быть чужим, испытывать груз общества, в котором приходится жить.

Онегин, в наблюдениях Ключевского, выбивается из сонма действующих персонажей романа, он «самое лишнее лицо». Если решение вопросов любви, судьбы и выбора Лизы Калитиной и Обломова почти никак не отражалось на их окружении, то Онегин откровенно выступил в роли возмутителя спокойствия. Праздник пришелец из столицы, он устраивает

переполох в провинциальной глуши, тревожит привычный уклад жизни сразу нескольких помещицких семей. В итоге, неосознанно испытывая терзания совести и досаду на самого себя, бросает всех и уезжает. Описывая коллизию сюжета, Ключевский предлагает устами героини романа Татьяны Лариной задаться вопросом о том, кто же такой Евгений Онегин: «Что ж он? Ужели подражанье, ничтожный призрак иль еще, москвич в Гарольдовом плаще, чужих причуд истолкованье, слов модных полных лексикон? Уж не пародия ли он?» [4, с. 134].

Исследователи солидаризируются во мнении, что Ключевский – мастер слова [1]. Поэтому характеристику, данную им Евгению Онегину, трудно описать лучшими словами. В этой связи позволю длинный, но очень интересный фрагмент [да простит меня система Антиплагиат. – Е.М.]. В своей статье «Евгений Онегин и его предки» пушкинский герой описывается так: «Забав и роскоши дитя» и сын промотавшегося отца, 18-летний философ с охлажденным умом и угасшим сердцем, он начал жить, т.е. жечь жизнь, когда следовало учиться; приниматься учиться, когда другие начинали действовать; устал, прежде чем принялся за работу; суетливо бездельничал в столице, лениво бездельничал и в деревне; из чванства не сумел влюбиться, когда это было нужно, из чванства же поспешил влюбиться, когда это стало преступно; мимоходом, без цели и даже без злости убил своего приятеля; без цели поездил по России; от делать нечего вернулся в столицу донашивать истощенные разнообразным бездельем силы» [2, с. 87]. Как видим, в портрете героя присутствует дихотомия, выраженная в противопоставлении «я» и «другой». Дискурсивно привлекательный для слуха прием создает эффект вступления в жизнь, как говорят музыканты, «из-за такта», со слабой доли. В оптике Ключевского, вызревает процесс, согласно которому постепенно, шаг за шагом молодые люди, не вписывающиеся в общепринятый ритм жизни, образуют особый общественный тип «лишнего человека».

Рассмотрим, вслед за Ключевским, на каких фактах выстраивается в романе образ Онегина. Историк предлагает изучать этот процесс по примеру, подсказанному читателям самой Татьяной. «Мы старались пробраться украдкой в кабинеты людей того времени, разобрать книги, которые они читали и которые читали их отцы, с оставленными на полях отметками крестами и вопросительными крючками», – пишет Ключевский [2, с. 88]. Картина выглядит следующим образом. Онегин родился «на берегах Невы», в дворянской семье, получил только домашнее образование. Сначала мы его встречаем молодым столичным франтом, который «как *dandy* лондонский одет» [4, с. 10]. Хочется отметить, что феномен «денди» в русском обществе первой половины XIX в. справедливо рассматривается исследователями как популярная форма заимствования житейских удобств у западной культуры [6, с. 58–59].

Далее по тексту романа выясняется, что Онегин нигде не служил, и это выглядит странным для традиций его сверстников, встретивших 1812 г.

в возрасте 16-17 лет. Ключевский подробно анализирует Жалованную дворянству грамоту Екатерины II (1785), согласно которой можно было делать выбор – служить или не служить. Тем самым, не находящийся на службе дворянин формально не нарушал законов империи. Однако в глазах правительства и общественном мнении такая практика всячески порицалась. Ю.М. Лотман в своих известных «Комментариях» к роману «Евгений Онегин» описывает ситуацию, когда в столице и на почтовом тракте дворянин, не стоящий на гражданской или военной службе, должен был пропускать вперед лиц, отмеченных чинами [5, с. 50]. В том же тексте Лотман говорит и о вызревании другой тенденции в понимании государственной службы. С поэтического посыла Н.М. Карамзина, отказ от службы неожиданным образом нашел своих адептов в русском обществе и приобрел новые контуры. То, что раньше называлось эгоизмом и отсутствием патриотических чувств, теперь означало борьбу за личную независимость, за право определять род своих занятий. Томясь в свое время от придворной службы, зрелый Пушкин проникся либеральными идеями «читать самого себя» и наделил ими своего героя [5, с. 51].

Онегин ведет жизнь молодого человека, свободного от служебных обязательств. Таковую роскошь могла позволить себе лишь немногочисленная группа дворянской молодежи, имеющей богатых родителей или родственников. Обычный день Онегина в столице был расписан «по звону брегета». Еще в постели он получал приглашения на вечер, гулял пешком по бульвару или ездил верхом, обедал в модном ресторане Талона, проводил время в театре, возвращался домой, чтобы переодеться, и отправлялся на бал. Читаем у Пушкина финал дня: «Что же мой Онегин? Полусонный в “постелю” с бала едет он: а Петербург неугомонный уж барабаном пробужден. Встает купец, идет разносчик, на биржу тянется извозчик, с кувшином охтенка спешит, под ней снег утренний хрустит» [4, с. 22]. Лотман отмечает, что такое право вставать как можно позже являлось своего рода признаком аристократизма. Мода просыпаться, когда весь город уже давно бодрствует, восходила к французской аристократии и была завезена в Россию эмигрантами-роялистами [5, с. 73].

Схожий пошаговый образный ряд имела и жизнь Онегина в поместье: утреннее плаванье, кофе, журналы, бильярд, верховая езда, обед с Ленским. О постылой повторяемости дней вновь читаем у Пушкина: «Так точно равнодушный гость на *вист* вечерний приезжает, садится; кончилась игра: он уезжает со двора, спокойно дома засыпает. И сам не знает по утру, куда поедет ввечеру» [4, с. 71].

Для полноты образа Онегина следует остановиться еще на одном важном моменте, подмеченном Ключевским. Речь идет об отношении молодых людей к войне с Наполеоном и к восстанию декабристов. Онегин был тем, кто по молодости лет не принимал участие в военных делах 1812-1814 гг. и не был вовлечен в события 14 декабря 1825 г. Вместе со своими сверстниками он вживался в столичную жизнь с ее «показным умом, за-

учеными приличиями, заменяющими нравственные правила, и с любезными словами, прикрывавшими пустоту общежития», – пишет Ключевский [2, с. 100]. Такая жизнь не приучала молодых людей ни к умственному труду, ни к практической деятельности, порождая лишь скуку и хандру.

«Полная нравственная растерянность» – так резюмирует Ключевский нарисованный образ Онегина. По его мнению, способность поэтического вживания в мир своих героев позволила Пушкину в числе первых подметить появление новой разновидности «русских чудаков», пребывающих в состоянии, когда «ничего сделать нельзя и не нужно делать» [2, с. 100].

Если направляться к завершению статьи, можно высказать ряд суждений.

На современных школьных уроках и университетских лекциях «Евгения Онегина» разбирают как произведение, которое показывает жизнь и проблемы, волнующие российских дворян XIX в. Об Онегине говорят, как о человеке своего времени – умном, но уставшем от светской жизни. Большое внимание уделяют тому, как роман отражает обычаи и настроение эпохи, например, идеи декабристов и тему «лишнего человека».

Очевидно, что такая линия рассуждений уходит корнями в исследовательскую традицию России рубежа XIX-XX вв., в частности, в сочинения Ключевского. В своей статье «Евгений Онегин и его предки» московский профессор демонстрирует два исследовательских приема. Как историк-позитивист он собирает и анализирует немало фактов, достоверно описывающих образ героя романа. Как герменевт, способный приблизить читателя к смысловой жизни текста, помогает проникнуть в культурно-историческую ситуацию, в которой протекали события романа. Рефлексируя, историк направляет внимание не только на осознание собственных исходных позиций и впечатлений о романе Пушкина, но и старается вести диалог со слушателями/читателями. Он предлагает рассматривать предложенную точку зрения как открытую, завершающуюся словами «судить вам». Историю России с середины XVII до начала XIX в. Ключевский рассматривает как время вызревания ускоренной смены разнохарактерных общественных типов, в чередке которых находит свое место и образ «лишнего человека», «чужака», «русского чудака».

Рассуждения Ключевского не лишены противоречий. Наделяя Онегина эпитетом «лишний человек», в своих лекциях по русской истории и статьях он, наоборот, показывает, что герой романа Пушкина – непосредственный продукт культурно-исторического развития российского дворянства. Разговор о выявленной несогласованности предполагаем продолжить во второй статье по одноименной теме.

Список литературы

1. Алехин Э.В. В.О. Ключевский: историк, педагог и мастер слова // Социально-экономическое и политическое развитие территории: проблемы и решения / материалы VIII Межд. науч.-практ. конф. Пенза: Изд-во «Приволжский дом знаний», 2021. С. 10–14.
2. Ключевский В.О. Евгений Онегин и его предки // В.О. Ключевский. Сочинения: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1990. Т. IX. Материалы разных лет. С. 84–101.
3. Ключевский В.О. Памяти А.С. Пушкина // В.О. Ключевский. Сочинения: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1990. Т. IX. Материалы разных лет С. 101–108.
4. Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах. М.: Детская литература, 2001. 208 с.
5. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.
6. Усманова Д.М., Лукоянов К.В. Феномен «денди» в социокультурном пространстве Российской империи в первой половине XIX века: историко-лингвистический анализ // Российские исследования. 2023. Т. 4, № 2. С. 56–75.
7. Шильцев В.Д. О полифонии смыслов «Евгения Онегина» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. 2022. Т. 8, № 1 (29). С. 76–107.

V.O. KLIUCHEVSKY «EUGENE ONEGIN AND HIS ANCESTORS»: CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXT

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The variability of research methods of the Russian historian of the turn of the XIX-XX centuries V.O. Kliuchevsky is considered. The article «Eugene Onegin and his ancestors», written by the historian in 1887 on the occasion of half a century since the death of A.S. Pushkin, is chosen for textual clarity. Kliuchevsky is presented in two aspects: as a positivist, analyzing many factual realities, and as a hermeneutist, able to bring the reader closer to the semantic life of the text of the famous novel. Content-wise, Kliuchevsky's article can be divided into two parts, the first analyzes the «here-and-now» image of the protagonist Eugene Onegin, the second analyzes the cultural and historical context of the formation of an educated nobleman in Russia during the previous two centuries. It is concluded that Kliuchevsky considers the history of Russia from the middle of the XVII to the beginning of the XIX century as a time of maturation of accelerated change of different characteristic social types, in the succession of which finds a place for the image of the «superfluous man».

Keywords: *V.O. Kliuchevsky, A.S. Pushkin, history, culture, positivism, hermeneutics.*

Об авторе:

Михайлова Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государ-

ственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

МИХАЙЛОВА Елена Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.10.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 25.10.2024.